

ва, разные по характеру, темпераменту и мироощущению, едины в человеческой сути своей. Они все — живые люди: ошибающиеся, противоречивые, лживые, возвышенные, несчастные и счастливые... В этой магне — любовь и ненависть, добро и зло, проклятие и прощение...

Тенденция, а вернее, необходимость глубинного раскрытия образа и образов в полной мере отразилась в его экспромтах на стихи, в симфонии, посвященной памяти брата, в «Медее» — произведении большой эмоциональной силы.

Симфония о брате начинается темой войны и смерти. Вторая часть — «Божественная комедия» Данте. Только вместо мук ада, здесь — рай жизни, из которой ушел брат, человек... Какая боль схватила в тиски природу Родины! Как он необходим жизни, этот человек. И не только он. Брат — это все жертвы войны. Совершенно новое решение темы: не человек скорбит о жизни, потерянной в бою, а жизнь — о человеке.

Тема измены и детоубийства в «Медее» требует от композитора не только музыкального воплощения, но и его обоснованности. Композитор буквально пережил чувства всех героев этой самой трагической трагедии Еврипида. Музыка ощущается, как единое полотно, и сила этого полотна — в математической точности осмысления эпохи и событий... Здесь нет легковесной нервозности. Все крупно, мощно, психологично. В этом сила Габараева, говорящего нам: монументальность — это психология, а не объем.

Мы знакомы с его первой оперой, вызвавшей хороший резонанс в культурной жизни нашей республики. История грустной и возвышенной любви Азау и Таймураза была представлена партитурой оперы, либретто написал сам композитор, и хотя оно вызвало ряд творческих споров, нельзя не

сказать, что либретто сделано по правилам оперной драматургии. Кстати, Габараев — один из немногих музыкантов, обладающих чутким режиссером и драматургом. Объективности ради, скажем, что постановки наших театров с участием Габараева обязаны ему дружеской помощью, которую он оказывает всему коллективу создателей. Он думает не только о своей «части дела». Музыка самостоятельна, но в постановке она — компонент. Он это понимает и подчиняет этому всех и в первую очередь себя, чувствуя свою ответственность и за фальшивый звук скрипки, и за ошкбл режиссера, и даже осветителя. В искусстве все важно.

Опера... Уже строился театр, но не было ни национальной оперы, ни подготовленных кадров. Илья только вынашивал планы создания. Но вот опера готова. Из Харькова приглашается режиссер Ю. Леков, из Москвы — певица Д. Билонова, из драматической труппы театра — ряд актеров с голосом. Несколько позже из Киевского театра оперетты в Осетию приезжает актер Елкан Кулаев. Десятки дней напряженного, кропотливого труда — и появились свежие, пахнувшие краской афиши первой в Осетии оперы.

Итак, опера — этот тончайший, акварельный стусок человеческой фантазии — на нашей сцене, на сцене осетин, которых даже в начале двадцатого века считали грубыми и невежественными «азитами». Открылся занавес, и в зал полился горный ветерок, запахло сеном, овчиной, козьим молоком... Мы увидели предков, которых не вернут ни фотографии, ни наша юная память, только искусство. Вот оно — в плавном танце горянок, в мудрой речи старшего, в любви, немеркнувшей, невинной... Вот оно — в песне косарей. Песня, как синий ветер... как жемчуг росы, рассыпанной на сочном альпийском лугу... как смачный хруст срезаемой травы...

Уже там, с ними, с ними поешь, с ними плачешь, ешь хлеб. До чего же ты хороший, черствый наш чурек, — ноша легче, силы больше, мне косить бы век. О тебе, тобой годами думаем, живем. Клок земли... сплошные камни, крошки мы жуем. Мы в надежде милосердной смотрим на тебя, чтоб не мерзли наши дети, сидя у огня.

Это мой неуклюжий перевод. Песня о хлебе насущном — эпически спокойная, теплая, как сам хлеб. Грустная, как мысли о нем... Не здесь ли начинается Габараев, не тут ли он впервые «дотронулся до боли» и обжегся на всю жизнь памятью о маме, об отце, о брате, о человеке... И не удивительно ли, что неприкрашенный, суровый быт в его музыке обретает поэтическую несомность.

Это — опера, с яркими и точными характерами, и пусть в основе ее трагедия, это опера возвышенная, утверждающая...

Взаимную радость принесла работа Габараева с Лековым, с труппой близких ему людей. Все работало с творческим подъемом, открывая в себе новые грани, новую глубину — верный признак жизнестойкости произведения искусства. А если знать, что в массовых сценах (в опере это очень ответственный момент) — студенты мединститута и что Азау — первая оперная роль Долорес Билоновой, и еще тысячу «а если», то мы должны быть просто благодарны этой молодой еще плеяде художников.

Для Ильи нет главного и неглавного. Поэтому нет ничего странного в том, что задуманная песня занимает в работе почти столько же времени, сколько, скажем, музыка к фильму. Понятно, что удельный вес творческого накала в работах его различен, но порой трудно установить, что же у него лучше. Если говорить о

диапазоне творчества, то вот вам неполный перечень произведений только за последние два года: «Медea» (трагедия), «Азау» (опера) — скажу по секрету, что он работает над новой — «Змея и скрипка» (современная драма), «Первый удар» (пьеса о Лейпцигском процессе), «Горящее сердце» (инсценировка по рассказу Горького), «Сармат и его сыновья» (драма о становлении Советской власти в Осетии). И ко всему — музыка к ряду документальных и художественных фильмов, организационная подготовка к дням декады искусства Южной Осетии. Когда он все это успевает — непостижимо.

Древняя Греция... Средние века... Горький... Америка наших дней...

Габараев — в Челябинске. Идет пьеса Тенниси Уильямса «Орфей спускается в ад». Музыка Габараева. Американская действительность знакома ему по книгам, театру, кино, газетам, но... Гренада, Гренада моя... Эти строки Светлова — смысл интернациональности, «мост» сердца, который может перенестись на любой континент нашей земли. Люди есть люди. Что-то в них неизменно и вечно. Это любовь к жизни. Верность, Ревность, Жажда, Боль, Радость, Отчаяние...

Любовь, расизм, убийство — все это есть в музыке, и не фоном, а кинжалным вторжением в мир отношений, полных чистоты и продолжности, воли и слабоумия, невежества и вырождения.

Премьера прошла с успехом, а друзья в Орджоникидзе слушали ее музыку, записанную на магнитофон — постоянный спутник композитора.

За плечами Габараева сегодня — мир его музыки, мир дерзкий, интересный, сложный, а главное — живой. Его грусть — светла, а радость — грустна... Ему близки бунтарь Мусоргский и мужественная нежность Бетховена, он лю-

бит Чайковского, его «обезоруживает» чистый и тихий мир Грота...

Он любит поэзию и знает ее. Им создан отличный музыкальный цикл на стихи Расула Гамзатова, поэтов Бельгии, Финляндии.

В поэзии он слышит музыку, а в музыке — поэзию, и по вечерам его руки, отрываясь от клавиш, вдруг тянутся за книгой, и он читает Лорку, Хикмета. И строчки, еще не оторвавшись от сухих, нервных губ, стучат морской галькой — и в них голос сердца поэта, найденный в интонации... Отпив крепкого кофе, он может читать вам Булгакова или отдельные строчки из только что изданной книги неизвестного еще автора.

Если ему трудно потому, что есть на то причина, — он спокоен. Но если не может объяснить себе причину — тогда... тогда он звонит кому-нибудь из друзей, а вдвоем — мир тесен. Можно выехать за город и побродить по лунному асфальту Военно-Грузинской дороги.

Однажды в дождь, недалеко от Балты, вздохнув полной грудью, Илья сказал: «Я рад, что моя юность прошла в горах. Там все обнажено и просто, и трудно, и поэтому хорошо... Люблю Леннаград. Он какой-то родной. Я там любил...» Он загнулся и, обжигая губы почти сгоревшей сигаретой, завершил: «Эта гора не Столовая. Какого черта она «Столовая»? Это — спящий Прометей. Какая машина!»

Он любит родину, свой народ, все лучшее в людях и, работая, забывает о себе. А так как он работает всегда и именно в работе находит смысл своей жизни, то мы не согрешили, сказав ему несколько хороших слов.

И без всяких комплиментов. Он их не понимает. Вдруг становится растерянным и опускает глаза, полные жажды и любви ко всему, что дорого человеку.

Г. ГУДИЕВ.